

Живет в Москве (Россия).

Ветер

На ней росла нещупанная грудь.
Мобильник между холмиков болтался,
куда половозрелые страдальцы
пытались непременно занырнуть;
бессмысленною фразой невзначай
смутить еще не пудреную кожу.

Но ветер за девчонку был встревожен
и с каждым днем старательно крепчал.

Возможно в ней проказничал азарт,
рождающий безумные поступки?
Шуршали складки разлетайки-юбки,
с невинности спуская тормоза.

А как быть с ветром, что скользил повдоль
изящных линий, спрятанных под ситцы?

Но нравственности строгие границы
ладонью зажимались за ладонь.

Тамара Павловна

Тамара Павловна не спит, Тамара Павловна грустит. –
Который год свербит под ложечкой от скуки.
Ее манит полночный вирт, непроходимый лабиринт. –
В нем ностальгировать приятно с голодухи.
На вид ей тридцать с небольшим, она устала от мужчин,
на все вопросы отвечая с неохотой.
Но отчего в пустой тиши не по себе, хоть трепещи,
при виде юноши плечистого на фото?

Такое вот хулиганье – желанья, вросшие быльем,
несут ее навстречу глупостям и весям.
Прозрачно легкое белье и близок вздох на букву «ё»,
и ощущение, что парень – ей ровесник.
С ним бы могла она в забой, вдвоем в разведку или в бой. –
И наплевать на все превратности и сплетни.
Пусть говорят наперебой: сильна лишь первая любовь. –
Знакомо чувство, что прекрасное в последней.

Но поутру известен тренд: окликнет подлый абонент
какой-нибудь привычной студии для шарма.
И далеко не хэппи-энд: холодный кофе, длинный «Кент»,
а на душе невыносимо и вульгарно.
Тамара Павловна бледна. Увы, по-прежнему, одна.
Грудь бестолково тяжелеет под халатом.
А в телевизоре: страна клянет крутые времена
и все быстрее крутит стрелки циферблата.

Die Sonne, madchen. Guten morgen

Ты лежишь на мне, читаешь Ницше.
Мои уши вянут от восторга.
Хочется шепнуть как можно тише:
- Die Sonne, madchen. Guten morgen.

Встретились вчера на Людвигштрассе.
Ты была в очках и в длинной юбке –
девушка эпохи Ганны Брамса,
пальчики изнеженны и хрупки.

Вознесло, да что там – закружило!
Я забыл привычную Тверскую. –
Удивлен, что так недостижимо
я искал без усталости такую –

юную, в чарующем моменте
знающую Гейне и Толстого.

Милая игра твоя на флейте
стала мне понятна с полуслова.

Знаешь, вспоминать, что было в прошлом —
чувствовать, как зреют августины.
Вот и Вагнер некогда тревожил
грусть свою в предательской гостиней.

О себе

Башмаков Ляксе́й родом из д. Нижние Малюганы (Кирово-Чепецкого муниципального района Кировской области).

[Страница автора в Сети](#)

